

Гатьяна Кигим

ВОССТАВЩИЙ ИЗ ГЛУБИН

Цикл: Крейсер «Сибирь»

Татьяна Кигим

Электросталин: Восставший из глубин

<https://litres.ru/74188512>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что будет, если в космосе встретятся две версии СССР, благополучно доживших до XXII века? Последствия придётся разгребать командной триаде крейсера «Сибирь», которой на пути повстречался титанический «Электросталин». Ну и буржуазные провокации разгребать придётся, как же без них. Деконструкция мифов, ретро-фантастика, сатира и капля ностальгии. Первая публикация – в сборнике «Историкум» издательства «Снежный ком».

Содержание

От автора	4
Цикл «Крейсер Сибирь»	5
ВОССТАВШИЙ ИЗ ГЛУБИН	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Татьяна Кигим

Электросталин:

Восставший из глубин

От автора

Однажды я с интересом (и, уж простите, не без попорно-на) наблюдала за многостраничной дискуссией брежневцев и сталинистов. И стало интересно: а что, если бы в будущем сохранились обе версии СССР? И обе вышли в космос? На радость буржуазным провокаторам...

Впервые рассказ был опубликован на страницах сборника «Историкум. Мозаика времён» издательства «Снежный ком» в 2015 году. С командной триадой крейсера «Сибирь» читатель встретится и в ещё одном произведении этой Вселенной, где СССР дожил до XXII века и преотлично себя чувствует: «В Америке секса нет».

Цикл «Крейсер Сибирь»

ВОССТАВШИЙ ИЗ ГЛУБИН

<i>(Иов.40:20–41:26)</i>

«... Круг зубов его – ужас; крепкие щиты его – великолепие; они скреплены как бы твердою печатью; один к другому прикасается близко, так что и воздух не проходит между ними; один с другим лежат плотно, сцепились и не раздвигаются.... Из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры; из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя; он кипятит пучину, как котёл; оставляет за собою светящуюся стезю.

Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным... Он царь над всеми сынами гордости.

... Вденешь ли кольцо в ноздри его? проколешь ли иглою челюсть его? будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко?».

Старшина Василько то и дело ронял голову на грудь – и тут же дёргался, как от разряда тока: эх–мать, только б не заснуть, управляя диапроектором! Политрук Николаенко чи-

тал лекцию для всего свободного от вахт состава крейсера, ведь в графе «Культурно-просветительская работа» за этот квартал не доставало трёх галочек, а до конца квартала оставалось ровно три дня.

– Вот в каких невыносимых условиях трудились парижские продавщицы в конце XIX века, что с предельным натурализмом и честностью показал прогрессивный французский писатель Эмиль Золя. Без всяких прикрас романист обнажил подлую сущность эксплуататоров... Кстати, где у нас Денисов, Иванидзе и Акопян?

– На гауптвахте, товарищ политрук! – отпраповал старшина, встряхнув головой и вытаращив глаза по заветам Петра Великого.

Николаенко кивнул, достал блокнот в чёрной кожаной обложке и черкнул пару строк:

– Значит, товарищи будут писать эссе. В свободное от вахт и гауптвахт время. Продолжим...

Лекторий должен был растворять свои врата пред командой крейсера еженедельно, но политрук весь отчётный период был занят неотложными делами. А поскольку отчёты – дело объективной важности, то всю неделю «сибиряки» просвещались самым культурным образом. Завтра и послезавтра «Сибири» предстояло повысить свой интеллектуальный уровень ещё на двух лекциях, так что число спасающихся на гауптвахте за последние дни резко возросло.

– Не имея возможности питаться в условиях советской

столовой, несчастные продавцы громадной торговой машины по целому часу вынуждены были проводить за скудной трапезой, завтракая хлебом, вином, каким-нибудь мясом или рыбой, рисом с тёртыми сухарями и вареньем, – Николаенко, как обычно, говорил негромко, не повышая тона, но в голосе его чувствовался скрытый гнев в адрес эксплуататоров и искреннее сочувствие трудящимся далёкого XIX века. – Мужчинам-работникам приходилось ещё трудней, чем продавщицам: официанты приносили им только второе блюдо, десерт и кофе, а вино и первое блюдо измождённым труженикам приходилось получать в раздаточном окошке...

Старшине Василько не повезло – его проступок сочли недостаточным основанием для уставного наказания. Подумаешь – разлил кисель в столовой! Механики вот, чтоб свалить с занятий, вылили кастрюлю с остатками ухи перед каютой вице-адмирала. Били, так сказать, челом. Комаров намёк понял – освободил механиков от посещения лектория. Отправил, вот добрая ж душа, на гауптвахту.

А Василько вот приходится дежурить. Его только начальник столовой обругал. И мало того, что выматерил лично, так ещё и нажаловался падле очкастой – самому Николаенко. Так что теперь старшина сидел за проектором, пытаясь совместить кадры диафильма с бодрым и нравоучительным рассказом политрука.

– Возмущение у советского читателя, несомненно, вызовет и тот факт, что в столовой жадного капиталиста в це-

лях экономии на работниках кухни не была организована нарезка хлеба. Усталым труженикам приходилось хлеб нарезать самим, кто сколько хочет, от общей буханки. Некоторые сотрудники, не в состоянии удовлетворить голод скудными порциями, до отвала наедались хлебом, чтобы хоть как-то набить желудок после мяса, риса, вина и варенья...

Говорить Николаенко мог три часа кряду. Глотнёт воды из графинчика – и дальше понесла его нелёгкая, по кочкам да расколдобинам. И так мировой империализм приложит, и эдак. Ну хоть бы какой метеорит в обшивку врезался! Хоть бы силовые поля сбой дали, да тревогу б метеорщики впилили!

Но нет. Утром – политинформация, вечером – лекторий. Хоть сдохни тут, но советский человек должен нести сквозь звёзды передовую культуру и непременно высокую сознательность.

– Раскроем страницы фотокниги, товарищи. Гнев и возмущение трудящихся торгсектора передают слова героя Золя... Цитирую: *«Вот ведь никогда в этом паршивом доме не дадут жаркого!»* – проворчал Гютен, посмотрев на меню, написанное на чёрной доске над окошечком. – Глаза бы не глядели на их говядину и рыбу!»

– Не то, шо в нас, – подал голос глава энергетиков, поправив кубанку. – Так и глядим в эту кильку да тушёнку, так и глядим...

Самые ответственные слушатели, вроде борtnавигатора

Кима, внимательно чирикали в тетрадках. Некоторые на видное для политрука место положили рулончики фотокниг: в эти дни посещение корабельной библиотеки выросло в разы. И неудивительно: в конце квартала команде грозил выборочный зачёт и проверка конспектов.

– Гнусный оскал капитализма демонстрирует себя на страницах прогрессивного писателя во всей красе. Старшина Василько, новый кадр с цитатами. Мы увидим, – продолжал Николаенко, – что не только продавцов морили голодом парижские эксплуататоры, но и в семейном быту труженикам приходилось довольствоваться обедками капитализма... Цитирую: *«Обед был самый простой, – политрук сделал ударение на этом слове. – Когда после супа служанка подала вареную говядину, дядя вернулся к неизбежному разговору о «Дамском счастье»... Служанка подала жареную телятину... Чтобы успокоить мальчугана, пришлось дать ему десерт – лежавшее перед ним печенье... Появилась жареная картошка. Все медленно клали её себе на тарелки, не произнося ни слова».* Или вот: *«К обеду пришел Гожан. Как только подали скромное жаркое – баранью ногу, – он приступил к делу...»*

– Харашо бы сейчас барашек на ужин! – раздалось в заднем ряду.

Николаенко строго посмотрел на оратора.

– Гонгадзе! Я не уверен, что вам так уж понравилось бы гнуть спину на эксплуататора, довольствуясь на обед скром-

ным выбором из рагу или ската! Я прав, Гонгадзе?

Карандаш завис над блокнотом в чёрном кожаном переплёте.

– Так точно, товарищ политрук! Асобенно вазмутительно, что этот капиталист им на обед давал адын бутылочка вина!

– Вот именно, товарищи. Алкоголем эксплуататоры пытались заглушить протест трудящихся против невыносимых условий питания...

– А пшёнку и перловку им давали, однако?

– Нет, конечно, товарищи! О чём вы говорите! На второе могли дать артишоки, на десерт – персики.

– Ептыть... – посочувствовал кто-то французскому трудовому народу.

– И ни компота из сухофруктов, ни сметаны в стакане, ни хлебного шницеля... Ничего из привычных и любимых блюд не нашёл бы в этой столовой советский труженик!

Общий вздох, пронёсшийся по рядам, демонстрировал полное и единодушное сочувствие советской команды «Сибири» замученному народу Парижа.

– Иногда голодным продавщицам приходилось посылать мальчика за апельсинами. Вы видите на экране... Видите на экране... Старшина Василько! Старшина Василько!!!

В умиротворённый сон старшины, грезящего о скромном жарком из бараньей ноги, вторгся далёкий крик политрука Николаенко, перекрываемый тревожной сиреной.

«Кажется, это катастрофа», – осознал мозг за микросе-

кунду до пробуждения, а ещё через пару мгновений окончательно проснувшийся Василько понял, что звук боевой тревоги ему не приснился. Он действительно разливался по палубам могучей «Сибири», символизируя спасение от лекторского таланта политрука и гарантируя высотой тона столкновение с неведомой опасностью.

Но какая б задница не подстерегала впереди по курсу крейсер «Сибирь», лекция политрука Николаенко осталась позади.

Силовые защитные установки врубили на всю мощь, энергетики «раскочегарили» ядерные установки до алой черты, так что махину крейсера слегка потряхивало, и серебряные подстаканники позвякивали совсем как в мягком купе аэропоезда, что мирно мчитсЯ над таёжными просторами, над сопками и Байкалом. Но уют был обманчив: на «Сибири» ввели боевое положение.

В рубке вице-адмирала после краткого заседания осталось трое: Комаров, Хвыля и Николаенко. Серьёзные решения вице-адмирал предпочитал принимать в самой тесной компании. Сквозь ажурную вязь подстаканников тепло просвечивал «военный чай», совсем не по-чайному благоухая армянским коньяком, и руководящая триада крейсера углубилась в обсуждение тактических данных.

– Совершенно невероятная встреча, – вице-адмирал Комаров, постукивая пальцами по столешнице, сосредоточен-

но глядел на снимки, сделанные бортразведкой «Сибири».

– В космосе какой только хрени не встречается, – фило-софично ответил подполковник Хвыля, командир специаль-ной десантной бригады, базирующейся на «Сибири».

Он взял несколько снимков в правую руку, не выпуская из бычок из шуйцы – Хвыля был левшой, и ещё в школе ка-тегорически отказался переучиваться, несмотря на все уси-лия советской педагогики. На фотографиях из космической тьмы выступал угловатый силуэт, оскалившийся орудийны-ми башнями, громадными выступами дизельных генерато-ров и уступами для старта десантных дирижаблей. От всего этого железного голиафа, втрое превосходящего «Сибирь» по размерам, веяло невообразимой стариной, когда ещё ра-кеты стартовали наугад, а учёные рассчитывали запускать дирижабли в марсианскую атмосферу.

Ракурсы были не слишком удачные, название не получа-лось разобрать. Но к объекту уже запустили «невидимки» с кинокамерами, и с минуты на минуту должен был начать-ся приём первых динамических отчётов. Пока же мощные фотографические телескопы крейсера дали максимально по-дробную картинку, и срочно сделанные снимки были ещё влажными после проявки.

– Древность–то какая, – пробормотал Николаенко, снял очки, протёр, близоруко сощурился, словно это помогло бы ему детальней рассмотреть объект, и снова водрузил их на переносицу. – Если это то, о чём мы думаем, мировой им-

периализм уже разъявил любопытное хлебало. Надо срочно устанавливать контакт с этим летающим плезиозавром.

– Ты, Митя, не горячись, – мягко сказал вице-адмирал. – Сначала проведём разведку...

– В кои-то веки он дело говорит, – не согласился Хвыля. – Смотри сюда, – он ткнул в крохотную точку на фотографии. – Это ж стопудово американский шпион. Разлеталась тут шушера, покою нет. Уже небось запись передаёт.

– Ну, положим, не всё так плохо, – поморщился Николаенко. – Контрразведка у нас находится не на таком низком уровне, как полагают некоторые апологеты активного действия. Мы эффективно глушим сигнал. Давайте лучше, товарищи офицеры, на ящик «Киндзмараули» спорить: это то самое или что-то другое?

Тут наконец пошёл телесигнал. Офицеры сразу заметили, что к мини-шпиону присоседились ещё три любопытные звёздочки.

– Ну, посмотрим, что за кашалот, – пробормотал Хвыля, со вкусом впиваясь в цельный лимон.

На экране поплыло изображение колоссального корабля. Теперь наконец удалось прочитать полустёршееся название: «Электросталин».

– Это он, – выдохнули три горла разом.

Комаров разлил по стаканам остатки коньяка и пошёл к сейфу – за второй бутылкой.

– «Электросталин», – прошептал Николаенко. – Мы не

ошиблись. Мы его нашли.

– Нашла галоша коровью лепёшку, – пробормотал Хвыля.
– Дывись ты, и вправду «Электросталин». Собственной персоной. Не было заботы, купила баба порося.

Три века отделяли старт советского корабля–ковчег от нынешних времён. Это было вторжение самой истории в мирный советский космос XXII столетия.

Невероятные размеры корабля отражали романтический дух эпохи индустриализации. Даже «Сибирь» терялась на фоне «Электросталина», а ведь она могла уходить в полугодовое автономное плавание, и считалась одним из крупнейших крейсеров столетия.

– Читал я как–то рассказ, – говорил политрук подполковнику Хвыле, – как прилетел на экзопланету корабль. Космонавты вышли – ба, а там уже сто лет как земная колония. Двигатели новые изобрели. Вот и наша встреча... Ты представь только: эпоха дизеля, гигантских строек, первого гиперболоида на Шаболовке, 37. Вместо наших атомных луноходов – лунные тракторы на солярке, вместо гигантских залов с ЭВМ – скромные табуляторы, вместо электрических печатных машинок – механические... Удивительный мир! Ещё нет межконтинентальных туннелей и высотных эстакад, ещё рычаги заменяют пульта со шкалами и циферблатами, ещё нет фильмотек, и все книги печатают на бумаге. Ещё нет Научно–Информационного Центра, всего за несколько дней,

а то и часов обрабатывающего любой запрос, и надо неделями работать с библиотечными каталогами. Ещё не придумана водородная бомба, а школьники не знают, что такое перфоленты. Люди слушают грампластинки, а не компактные кассеты с магнитными записями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.